

Телохрани́тель Евге́ния Охотникова

Марина Серова

Сентиментальный убийца

«Научная книга»

Серова М. С.

Сентиментальный убийца / М. С. Серова — «Научная книга»,
— (Телохранитель Евгения Охотникова)

© Серова М. С.
© Научная книга

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	18
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Марина Серова

Сентиментальный убийца

Глава 1

Юбилей Самсона

Мне всегда нравилось слушать, как идет дождь. Нет, не так: мне просто нравилось, когда идет дождь. Вне зависимости от того, нахожусь ли я в теплой и уютной квартире с чашкой горячего кофе перед моим роскошным домашним кинотеатром или же меня несет, словно комок слежавшихся красно-желтых осенних листьев октябрьским ветром по мокрым улицам через бегущие мутные ручьи дождевой воды, через лужи с бензиновыми разводами и осенним запахом большого города. И вечный бой...

...«А герл нам только снится», как добавлял один мой знакомый – представитель сексуальных меньшинств.

Сегодня был именно такой дождливый день. С утра за окном стоял унылый серый полумрак, он прокрадывался в приоткрытую форточку и нервно дергал и колыхал занавеску, а черные деревья под окном шептались так жалобно, словно на дворе был октябрь, а не вторая половина марта.

В этот день у меня было ностальгическое настроение. Как поется в песне, «шорох листопада, „Лунная соната“ – все, что мне надо сейчас для души».

Впрочем, листопада не было в связи с весенним периодом двухтысячного года, а вместо «Лунной сонаты» я поставила очередной умопомрачительный – в основном из-за спецэффектов, а стало быть, и бюджета – гипербестселлер Голливуда «Матрица», который упорно муссировали в прессе под претенциозным наименованием кибер-Библии двадцать первого столетия.

А вообще – зачем американцам «Лунная соната»? Вот «Полицейская академия» и «Остин Пауэрс» (это про дебильного шпиона с мерзкими, как весь он сам, черными очками) – это да. А какого-то там еще Бетховена им знать совершенно необязательно. Разве что только собаку из одноименного фильма.

Это прямо как в анекдоте: встречаются два американца, и один другому и говорит: «Ты знаешь, Бетховен – это композитор». – «Какой умный пес! Он еще и музыку пишет!»

...В размышления о Бетховене, американцах и двадцать первом столетии удачно воткнулась тетушка Мила. Она вошла в мою комнату, держа в руках недавно заведенного кота Борю, названного в честь ушедшего в отставку Бориса Николаевича, подозрительно посмотрела поверх очков на летающего по экрану Кeanу Ривза в лысоголовой компании демонического Лоренса Фишборна и проговорила:

– Вот ты скажи, Женя... какое у нас сейчас тысячелетие? Американцы говорят, что уже двадцать первое, а у нас упорно считают, что еще двадцатое... Олимпиада Кирилловна накануне кинула сковородкой в дядю Петю из двадцать первой квартиры – тот десять минут талдычил, что во всем виноваты жидаы и что если бы не жидовский выкормыш... это он так мило титуловал Иисуса Христа... то сейчас летоисчисление велось бы от сотворения мира, как издавна шло в России. Пока говорил, успел выпить бутылку портвейна.

Я вяло улыбнулась и продекларировала:

– «В кашне, ладонью заслоняясь, сквозь фортку крикну детворе: какое, милые, у нас тысячелетье на дворе?..»

Тетя Мила погладила интеллектуально насупившегося кота и, озабоченно поджав губы, проговорила:

– М-м-м... Мандельштам?

– Пастернак. Тоже, между прочим, по дяди-Петиной классификации, жидовский выкормыш.

– Разве Пастернак еврей?

– Да нет, японец, – невозмутимо ответила я. – А вообще, охота вам, тетушка, слушать разнокалиберных перегарных хлопцев из соседних квартир?

– Значит, сейчас еще двадцатое столетие? – не унималась та.

– Ну конечно. Число «десять» принадлежит к первому десятку, не так ли?

– Д-да, – чуть поколебавшись, ответила тетя Мила.

– Ну так и двухтысячный год принадлежит к двадцатому столетию. – Я выключила «Матрицу», и на экране появилась отвратительно ухмыляющаяся физиономия непрестанно гримасничающего, вертящегося в разные стороны и хихикающего молодого человека из рекламы одной из смертельно-убийственных для кариеса, стоматита, пародонтита и перхоти жвачек, который предлагал пластиковозубой красотке обменять эту самую чудо-жвачку на чудовищное количество «обыкновенной». Глупая девочка ухмылялась и отказывалась от высокой чести точно так же, как это делал неподражаемый Иван Васильевич Бунша, когда Жорж Милославский говорил ему: «Садись... царем будешь!» – «Ни за что!»

– Идиотизм... – пробормотала я и легким нажатием пальца стерла паясничашую парочку с экрана; промелькнула голая задница и, наконец, когда я переключила, кажется, на НТВ, на экране появился строгий черно-белый римский профиль, выполненный в традициях реалистической школы Министерства внутренних дел, и голос диктора отчеканил:

– Как сообщила пресс-служба ФСБ, позавчера из заключения действительно бежал один из самых знаменитых российских киллеров, которому инкриминировали причастность к ряду громких заказных убийств, бывший офицер ФСБ Алексей Орловский, известный в криминальных кругах под кличкой Генрих. Тысяча девятьсот шестьдесят шестого года рождения, уроженец...

– А он ничего, – лениво сказала я. – Красивый. И имя-то какое – Алексей Орловский. Как будто граф.

– Красивый... граф... – проворчала тетушка, – эти красивые графы всю страну на уши поставили... демократы... просто колумбийский наркокартель, а не страна.

Я рассеянно покачала головой, особенно не вслушиваясь в бормотания дражайшей родственницы. Эти лирические отступления из серии «во всем виноват Чубайс» во многом были навеяны достаточно частым общением тети Милы с нашей ближайшей соседкой Олимпиадой Кирилловной Докукиной, уже упоминавшейся сегодня.

Эта последняя являла собой классический тип бой-бабы и даже фамилией своей напоминала свирепую чеховскую героиню из рассказа «Последняя могиканша», которая, как помнится, кричала своему затюканному мужу через весь дом: «Досифе-ей! Ступай от меня мух отгонять!»

И меня нисколько не удивило, что она бросила сковородкой в соседа дядю Петю, который тоже, откровенно говоря, не был агнцем, а гнал самогон и продавал его любителям дешевых спиртных напитков.

При этом, как то бывает не так уж и редко, являясь основным потребителем своей продукции.

При этом оба упомянутых жильца были отъявленными коммунистами, но если Олимпиада Кирилловна всегда голосовала за Геннадия Андреевича Зюганова, то дядя Петя называл себя ортодоксальным коммунистом-сталинистом, причем оперировал именно таким красочным политическим термином. Когда же – по ряду причин – он не мог выговорить слово «ортодоксальный», то заменял его красочной матерщиной в адрес властей и КПРФ, членов которой считал изменниками, мерзавцами, уродами и ренегатами.

Фамилий же, скажем, Гайдара, Чубайса или тем паче Бориса Ельцина он выговорить вообще не мог, потому что сразу начинал брызгать слюной в смеси с неразборчивой грязной руганью.

К слову, когда он узнал, в честь кого назван наш кот Боря, то громогласно объявил во дворе, что удавит его при первой же встрече (то бишь кота, хотя Б.Н. он удавил бы с несравненно большим удовольствием, если бы только мог позволить себе такую роскошь).

На это тетя Мила сказала, что еще одно подобное заявление – не говоря уж о каких-то действиях – приведет только к тому, что дядя Петя отправится в КПЗ по обвинению в торговле самогоном.

Аргументы оказались исчерпывающими: сосед «базар» прикрыл.

Последняя «битва народов» между Олимпиадой Кирилловной и дядей Петей (последняя – если не считать той, о которой только что рассказала мне тетушка) состоялась по поводу близких президентских выборов, которые в нашей области были совмещены с выборами губернатора.

Что касается губернаторских выборов, то Олимпиада Кирилловна намеревалась голосовать за выдвиженца от коммунистов, который по совместительству являлся директором крупнейшего в регионе нефтезавода, контролировавшего огромные смежные коммерческие структуры. Дядя Петя же выборы собирался игнорировать.

– Все бандиты! – ораторствовал он. – Жулики... и твой энтот Турунтаев – жулье голимое! Ррряху рраскоррмил... под кумуниста строится!

Турунтаев – такова была фамилия директора завода, который намеревался баллотироваться в губернаторы от КПРФ и имел очень приличный рейтинг, позволявший ему рассчитывать на победу.

– Да что бы ты понимал, алкаш! – орала Олимпиада Кирилловна, вертя перед носом соседа внушительной палкой, с которой чуть прихрамывающая на левую ногу гражданка Докукина обычно выходила на улицу. – Все извилины пропил, синерылая твоя морда! Сверчок замшелый! Латрыга занюханый! Залепи дуло, козел плешивый!!!

Эта впечатляющая полемика, как то обычно и бывало, кончилась тем, что дядя Петя поднялся и, пошатываясь, направился на свою грязную жилплощадь, напоследок громыхнув чудовищным ругательством, густо сдобренным перегаром...

* * *

– А ты не забыла, что тебе сегодня идти на день рождения к Головину?

Я встрепенулась. Конечно, я не забыла, что на сегодня приглашена к довольно известному в московской и питерской тусовке клипмейкеру Самсону Головину, который родился в Тарасове, но предпочел быстро слиться с малой родины в столицу, сделал там весьма неплохую карьеру и уже слыл там одним из наиболее продвинутых деятелей шоу-бизнеса.

Накануне он приехал в Тарасов в невменяемом состоянии, уже около недели отмечал свой тридцатилетний юбилей. Начал в Питере, продолжил в Москве и вот теперь пожаловал в родной город порадовать своей широченной бритой физиономией многочисленных родственников и друзей.

К числу последних относилась и я, потому и получила приглашение на шестнадцатое марта двухтысячного года в ночной клуб «Габриэль», который был абонирован на вечер и ночь господином Головиным.

К слову, одним из совладельцев «Габриэля» он и являлся, ибо через доверенных лиц вел бизнес и здесь.

Он был оборотистый молодой человек.

– Конечно, я не забыла, – ответила я и взглянула на часы. – Сейчас начну собираться.

Тетя Мила хитро прищурилась и проговорила:

– А это правда, что Самсон Головин к тебе равнодушен и чуть ли не предлагал руку и сердце? А, Женя?

Я еле заметно пожала плечами. То, о чем спросила тетя, действительно имело место, но ей не был известен такой примечательный факт, как то, что в момент произнесения сакраментальных слов касательно предложения руки и сердца Самсон был обдолбан кокаином, как последний нарк.

Впрочем, нет – последний нарк не станет употреблять столь дорогостоящий наркотик, как кокс: попросту не хватит «лаве».

Я поднялась с кресла и направилась в свою комнату – выбрать туалет для праздничного вечера.

– Кстати, тебе известно, Женечка, что дядя Петя взял себе жильца? Вернее, жилищу?

– Че это... бабу какую приволок синеморную? – довольно-таки небрежно отозвалась я. – Последний раз, если я не ошибаюсь, такая же вот сожительница вышвырнула его в окно, и если бы он не был чудовищно пьян, то разбился бы к чертовой матери.

– А так только нос поцарапал да руку немного повредил, – с живостью подхватила тетушка. – И это с пятого этажа. Только на этот раз это не сожительница. Какая-то старушка на инвалидной коляске. Довольно-таки мрачного вида. Вроде как дальняя родственница. Хотя кто их там разберет, Петровых, то бишь родственников...

* * *

Когда я подъехала к «Габриэлю» (насколько я знала, ночной клуб получил свое название по настоянию самого Головина, который был ярым поклонником футбола и конкретно сборной Аргентины и ее лидера Габриэля Батистуты), все подъезды к клубу были забиты разнообразнейшими машинами – от навороченного представительского «Линкольна» до занюханного старенького «Москвича».

Мой «Фольксваген» находился где-то посередине этих двух полюсов автомобильного благосостояния. Впрочем, я никогда и не жаловалась – с моим родом занятий постоянное пользование и «Линкольном», и старым «Москвичом» смерти подобно.

А вот демократичный и достаточно комфортный «Фольксваген» – в самый раз.

Клуб был густо оцеплен охраной. Еще бы – сегодня здесь собирался едва ли не весь городской бомонд... ну, за исключением, конечно, госструктур.

Хотя кое-кто и из этих небожителей наличествовал. По крайней мере, машины с престижными номерами и маячками у клуба я заметила.

При входе, чуть в стороне от гардероба, стоял невозмутимо улыбающийся верзила, за спинами которого маячили двое точно таких же верзил, но только без проблеска улыбки. Он внимательно проверял гостей на их сугубую принадлежность к данному торжеству – сверял пригласительные со списком ожидающихся визитеров, пристально рассматривал прибывших и некоторых из них быстро досматривал на предмет наличия оружия – четкими, легкими, едва заметными касаниями, в которых не было ничего общего с грубым ментовским «шмоном», но тем не менее по сути это было одно и то же. Дело только в форме, но отнюдь не в содержании.

Меня он осматривать не стал: в том платье, в котором я пожаловала на торжество в честь юбилея Головина, можно было нелегально пронести разве что вязальную спицу. Да и то надо изощряться.

Впрочем, мой туалет вовсе не страдал вульгарностью. Напротив, это было вполне строгое вечернее платье, которое деловая женщина надевает на выезд в люди.

Охранник ощупал меня коротким пронизывающим взглядом с головы до ног, глянул в мой пригласительный билет и приветливо кивнул, предлагая пройти в банкетный зал.

«Когда этот Головин только успел подготовиться к приему, если приехал накануне, да и то в соответственном виде», – едва успела подумать я, как тут же увидела направляющегося ко мне Самсона в сопровождении двух довольно хмурого вида мужчин, которых я первоначально приняла за охранников.

Как оказалось впоследствии, я ошибалась.

Головин выглядел великолепно. Белоснежный костюм сидел на его статной фигуре как влитой, широкое лицо лучилось довольством и радушием. С последнего момента, как мы виделись, он несколько пополнел, потяжелел, можно сказать, заматерел, стал шире в плечах и груди, хотя и раньше особой худобой не страдал.

Проблему рано пробивающейся лысины он решил с не меньшим блеском: попросту гладко выбрил череп – кстати, очень правильной формы, массивный, так сказать, породистый, – а для контраста отпустил короткую богемную бородку а la Джордж Майкл.

– Добро пожаловать, бесценная Евгения Максимовна, – низким, очень приятного бархатного тембра баритоном проговорил он. – Добро пожаловать. Как говорится, всех прошу к нашему шалашу.

– Ничего себе шалаш, – отозвалась я. – Вы, Самсон Станиславович, как обычно, в своем репертуаре. Хотя, надо сказать, репертуар этот мне нравится. Ну что – мои поздравления и наилучшие пожелания, дорогой. Впрочем, по всей видимости, у тебя и так все есть. Тем более что выглядишь ты просто сногшибательно... если, конечно, допускаешь такую характеристику в отношении мужчины.

Тот расплылся в широчайшей улыбке и полез целоваться. Потом коснулся губами моего уха и тихо проговорил:

– Ты, Женька, еще больше похорошела. Только чтобы не было больше этого... типа «Самсон Станиславович», «репертуар» и «характеристика». Как говорил Фрунзик Мкртчян, в моем доме папращю нэ виражаться.

От него ненавязчиво пахло высококачественным и дорогим алкоголем. Уже успел подзарядиться.

– Ну хорошо, – улыбнулась я. – Это я так, для проформы... солидность накручиваю. А то у тебя тут вон как все капитально устроено. Когда только организовать успел?

– Да это не я, это все Блюменталь, – отмахнулся Головин.

– Кто?

– Блюменталь, – проговорил тот, хотел сказать что-то еще, но в тот же момент увидел, как в зал входит трио новых посетителей, всплеснул руками и направился к ним.

Вновь появившиеся по своему внешнему виду казались людьми взаимоисключающими, то есть между которыми нет и не может быть ничего общего.

Невысокий, непрестанно вертящий головой плотный мужчина лет сорока выглядел воробьем, которого невесть зачем обрядили в перья орла и придали ему орлиные же статус и значимость. На его круглом лице с анемичным подбородком и тяжелым, длинным утиным носом плавало выражение слепого самодовольства, смешанного с некоторым изумлением: куда это, дескать, я попал?

Дорогой, элегантный, прекрасно сшитый костюм сидел на нем, как драный холст на огородном пугале, но тем не менее нельзя было сказать, что выглядел он совсем уж малопривлекательно.

При всем при этом мужчина время от времени втыкался коленом в ногу идущей рядом женщины с узким надменным лицом, блеклыми, маловыразительными рыбьими глазами и одеждой с тяжелой безвкусной роскошью. В отличие от своего живого и энергичного спутника она выглядела как мумия, которую на время извлекли из склепа, где та с достоинством и многовековой спесью возлежала неисчислимое количество лет. Она смотрела прямо перед собой, двигалась скованно, словно заведенная кукла, каждый жест был заранее просчитан и манерно

исполнен. Эта женщина чувствовала себя вершительницей судеб, царицей Клеопатрой, от единого движения ее наманикюренного пальчика зависело: быть или не быть? – далее по тексту.

Я не смогла сдержать иронической улыбки: такой чудовищный, всепроникающий, смехотворно раздутый снобизм распирал эту даму.

Чуть поодаль, за спинами этой красочной парочки, выступал солидный, облаченный в строгий серый костюм грузный мужчина с длинным ястребиным носом и уже седеющими кудрявыми волосами.

– Добро пожаловать, Геннадий Иванович! – воскликнул Головин, приближаясь к своим гостям, и начал горячо трясти руку «воробьиного орла». Потом подскочил к «мумии» и приложился к ее белой веснушчатой ручке.

На лице дамы появилось нечто вроде кислой улыбки. Вероятно, так улыбалась бы сельдь иваси (до ее водворения в консервную банку), имей она вообще возможность улыбаться.

– Мое почтение, Татьяна Юрьевна, – продолжал рассыпаться Головин, а потом обменялся энергичным рукопожатием с солидным толстяком.

– Очень... э-э-э... Самсон... Серге... Станиславович... – прокудахтал Геннадий Иванович и тут же сбился, потому что наступил на ногу своей почтенной супруге и получил такой обжигающе ледяной взгляд в свою сторону, что невольно поперхнулся вдыхаемым им воздухом. Разумеется, мысль осталась незаконченной.

Впрочем, Головин его и не слушал. Он подвел дорогих гостей к столам и усадил по правую руку от отведенного ему самому главного места.

...Получилось так, что рядом с этими людьми оказалась я. И (как выяснилось немного позже) нельзя сказать, что это было самым плохим соседством.

* * *

Все потекло по традиционно отлаженному сценарию. Говорились тосты, здравицы, какого-то грузина едва не спихнули под стол за то, что говорил чуть ли не получасовой тост, который можно было резюмировать коротким русским: «Ну-у, за дружбу!» – а в целом от вечера в честь тридцатилетнего юбилея Самсона Головина я ожидала большего.

Впрочем, вскоре мои ожидания начали оправдываться.

Сидевший по левую руку от меня Геннадий Иванович, который все время молчал и только однажды произнес какой-то нелепый и маловразумительный тост, икнул и, проигнорировав в высшей степени выразительный взгляд своей супруги, которая второй час высокомерно цедила ананасовый сок, повернулся ко мне и проговорил:

– Я полагаю, что в высшей степени достойный человек, каковым является Самсон Самсонович... кхе... мое присутствие на его юбилее не может дезавуировать предвыборную кампанию на пост... м-м-м... – он подцепил на вилку кусок мяса, приправленного ароматным соусом, и продолжал, не замечая, что соус упорно капает на рукав надменно застывшей, как каменное изваяние, его супруги Татьяны Юрьевны, – в высшей степени... мням-мням... достойного человека. Лишним доказательством тому может послужить... кхе... какими женщинами он окружает себя. К плохому человеку такая очаровательная женщина... как драгоцен... вы Евгения Максимовна, не так ли... позвольте ручку... ням-ням... к нехорошему человеку такая женщина не потянется.

...Когда только успел, господи? Ведь сидел тише воды ниже травы!

Геннадий Иванович приложился куда-то в район моего запястья, пачкая мне руку соусом, и, не заметив, как поспешно я отдернула руку, опустил свой правый локоть на стол. Локоть размазал по прибору мусс из лангустов, но Геннадий Иванович остался в полном неведении и выговорил что-то из разряда уже совершенной околесицы:

– А к-как вы... позвольте спросить... относитесь к Коммуни... коммунистической партии Российской Федерации?

Ничего себе вопросы у господина. Хорошо еще не спросил о роли категорического императива Иммануила Канта в становлении этического аспекта классической немецкой философии с последующим перетеканием в иррациональный волюнтаризм Артура Шопенгауэра.

Я мягко улыбнулась, насколько можно вообще улыбаться в ситуации, когда тебя мажут соусом и задают неуместные вопросы, и ответила:

– А я к ней вообще не отношусь.

– И сов... совершенно напрасно, – проговорил он. – Вот когда я стану вашим губернатором, то... тогда и посмотрим, как относит... относительно вашей персоны, многоуважаемая...

Я мысленно взмолилась богу, чтобы он пробудил сознание окаменевшей рядом с Геннадием Ивановичем мумифицированной супруги, которая, казалось бы, вовсе не замечала, что муж довольно откровенно пытается занять разговором молодую и красивую женщину.

Бог не отозвался. Зато отозвался Головин, который уже вторую минуту созерцал экзерсисы Геннадия Ивановича.

Он подошел ко мне сзади и, положив руки на плечи, проговорил:

– Что, Женя, ты уже познакомилась с вашим будущим губернатором?

Я подняла на Геннадия Ивановича довольно-таки холодный взгляд и сказала:

– Если это можно назвать знакомством, то да.

– Меня зовут Геннадий Иванович Турунтаев, – проговорил тот и, зацепив рукавом вазу с фруктами, опрокинул ее в блюдо с салатом. – Я кандидат в губернаторы от КПРФ.

Ну конечно! Я вспомнила, где я могла видеть это круглое и, надо сказать, довольно добродушное лицо. Вероятно, оно мелькало в рекламных роликах, которые я при моем врожденном равнодушии, даже антипатии ко всяческой политике способна просматривать не более двух секунд кряду.

– Ага... это у вас рейтинг шестьдесят процентов? – выудила из памяти я.

Если сказать, что мои слова польстили ему, – это значит ничего не сказать. Он расплылся в широчайшей улыбке, сделал левой кистью хватательное движение – вероятно, для того чтобы поймать мою руку и в очередной раз галантно к ней приложиться, – но вместо моей руки ему попала свиная ножка, которую он и поцеловал с трогательной нежностью. А потом вцепился зубами, увидев, что это вовсе не то, что он намеревался взять.

– Фоверфенно верно... мням... мой рейтинг... чав-чав... это я...

Мало того, что его дикция и до того не отличалась особенной четкостью в связи с обильными возлияниями, он еще и начал жевать. После чего вычленив что-либо из его длинной речи стало совершенно невозможно.

Не исключено, что она была предвыборной. Перед отдельно взятым избирателем, то есть мной. К этому выводу я пришла, когда среди прочего речевого букета идентифицировала слова «антинародный», «беспредел», «заводы» и даже замысловатое словосочетание «деприватизация национального достояния».

Я беспомощно оглянулась на Головина, но он только улыбнулся с загадочным видом и отошел к другим гостям.

Тем временем Турунтаев дожевывал поросенка и заговорил более членораздельно, но не намного более осмысленно:

– Значит, вы оправдываете Ельцина и его р-р-р... реформы?

Я попыталась было подняться, но тут увидела, что Головин делает мне какие-то загадочные пассы руками, и поняла, что он просит пообщаться с господином Турунтаевым как можно дольше и плотнее.

И это под боком у жены.

Ну Головин, доберусь я до тебя! Не будь ты сегодня именинником...

Я повернулась к Турунтаеву, который уже оживленно совал мне в район подмышки фужер с шампанским, и проговорила:

– Скажите, Геннадий Иванович, а почему все коммунисты так любят это имя – Геннадий?

– Что?

– Я имею в виду, что многие коммунистические лидеры носят имя Геннадий: Геннадий Андреевич Зюганов, Геннадий Николаевич Селезнев, вот вы еще...

– А-а-а, вот в каком смысле! – пьяно обрадовался Турунтаев. – Да в нашей концепции вообще стоит отметить... в-в-в... тягу к исконно русским именам. Владимир Ильич...

– Иосиф Виссарионович, – продолжила я. – Чисто русские имена Лаврентий Павлович и особенно Лазарь Моисеевич.

Он посмотрел на меня даже не с обидой, а с каким-то детским негодованием. Вероятно, коммунистам на самом деле вредно пить. Хотя как сказать: упомянутый Турунтаевым Владимир Ильич вообще из спиртного только чай с лимоном употреблял, а вон каких дел наворотил, до сих пор разгрести не можем.

– Давайте лучше выпьем, Геннадий Иванович, – довольно дружелюбно проговорила я.

...А вдруг он на самом деле станет новым губернатором Тарасова?

А эта мымра окоченелая – его жинка – за все время так и не шелохнулась.

Глава 2

Торжественный выход высокого гостя

Ближе к ночи все стало на свои места.

На сцене в мечущихся лучах светового шоу извивалось несколько фигур, мужских и женских: это был стриптиз-балет, действительно набранный из бывших балетных танцовщиков, которые, как водится, не смогли заработать себе на жизнь высоким искусством и теперь переметнулись в презренную, но денежную сферу шоу-бизнеса.

Гости разбрелись по ночному клубу; наиболее продвинутые уже отправились наверх, где к их услугам были бильярд, кегельбан, столы для покера и рулетки, а также нежные руки квалифицированных массажисток. Со всем прочим, прилагающимся к этим рукам и к этим массажным услугам.

Головин куда-то на время пропал, а потом появился с красными, как у кролика, глазами, хохочущий и неестественно бодрый. Если учесть, что перед своим исчезновением он предлагал мне дернуть по «дорожке» кокса, то не составляло особого труда догадаться, чем он занимался в этой кратковременной отлучке.

А с кокаином – это у него, кажется, довольно серьезно. «Дурь» для богатых.

Я сидела в обществе двух мужчин. Нельзя сказать, что я была сильно пьяна, но выносить общество Турунтаева, будучи трезвой, возможным не представляется.

Господи, как работают его имиджмейкеры? Почему они позволяют ему нарисоваться перед очами избирателя в таком возмутительном виде?

Впрочем, это можно несколько оправдать тем, что данный сейшн был закрытым для прессы. Конечно, несколько ретивых газетчиков и назойливых папарацци местного разлива пытались проникнуть в клуб, но потерпели полное фиаско, не преодолев заслонов «габриэлевских» секьюрити.

Разумеется, я пыталась отделаться от Геннадия Ивановича. Можно сказать, что мне это даже удалось. Но – странное дело! – не доставило ожидаемого удовольствия и облегчения. Другие мужчины из числа тех, с которыми я общалась здесь – исключая, конечно, Головина, – оказались несколько более презентабельными, чем «красный директор» Геннадий Иванович Турунтаев, но куда более скучными.

По крайней мере такого фейерверка маразма, густо сдобренного выдержками из речей Геннадия Андреевича Зюганова, от них не дождешься. Все больше комплименты да разговоры по наезженной схеме: «а не выпить ли нам шампусику, наша бесценная леди?»

Поэтому когда я наткнулась на Турунтаева во второй раз – он был уже без жены, но с каким-то довольно угрюмого вида человеком средних лет, – то почти обрадовалась.

Стоящий за спиной Турунтаева телохранитель аж вздрогнул, когда его босс подпрыгнул на месте, свалив хрустальный графин с водкой, и заверещал:

– Женя... иди-ка сюда, дорогая! Я тут доказывал Алексею Павловичу, что... ты это самое...

Он сбился, очевидно, потеряв нить мысли, и тут же предложил выпить за мир во всем мире, за бог с нами и хрен с ними... «и Ле-е-енин такой молодо-ой, и юный Октябрь впереди-и».

Последнее он пропел на редкость фальшивым голосом и опрокинул в рот стопку водки, не дожидаясь, пока я с ним чокнусь. А потом сказал:

– Вот вы думаете, что у меня тот... тора... толита... тарное мышление? Ведь так, э-э-э?... А-а-а! – Он с хитрым видом поднял вверх палец, прищурился, видимо, полагая, что в таком виде походит на Владимира Ильича в Горках, и продолжал: – Все дело в том, что

деление по политическому признаку ушло в прошлое... сейчас главное – это не партийная принадлежность, а качества хозяйственника и государ... государственника.

И тут предвыборная речь!

Впрочем, Геннадия Ивановича можно понять: у него же через несколько дней выборы.

– Кгrrrrrm... по сути дела, коммунистическая доктрина сейчас является обычной социал-демократической... с послаблениями в сторону централизующей роли государства... наместник Северной Кореи Ро Де У... танки в Праге... вы знаете, Женя, как сильно харизма человека зависит от его хари... нет? В-в-в... – Он поморщился, словно раскусил лесного клопа, а потом забормотал совсем уж бестолково: – Шарлатанство... партийная дисциплина... не позволю про царя такие песни петь... распустились тут без меня...

Потом вскинул голову и, наклонившись ко мне, таинственным голосом проговорил:

– Вчера у Бориса Ельцина повысилась температура... Геннадий Андреевич Зюганов первым поздравил президента с повышением...

Мрачный мужчина, сидевший рядом с ним, покачал головой и проговорил:

– Может, вам нужно освежиться, Геннадий Иванович?

У него был глухой бесцветный голос, да и сам он был какой-то бесцветный, неяркий, незапоминающийся. Но в глазах – совершенно трезвых – мерцала холодная, пронизательная насмешка. Вероятно, такими раньше и были наиболее влиятельные партийные функционеры, «серые кардиналы» КПСС. А не этот пьяный директор нефтезавода, вероятно, имеющий к коммунистам еще меньше отношения, чем, скажем, я.

Все-таки я училась в спецзаведении, напрямую курируемом Центральным управлением КГБ Советского Союза. Это вам не завод, пусть даже нефтеперерабатывающий.

В ответ на слова Алексея Петровича кандидат в губернаторы замотал головой:

– Н-нет, что вы! Вот лучше послушайте анекдот. Значит, так. Сочи. Знойный полдень. П-пляж... На песке лежит редкой красоты обжа... обна-жен-ная женщина. Проходящий мимо старикан останавливается и принимается восторженно созерцать такое чудо природы. А она и говорит: «Что ты смотришь на меня, старый хрен! Я ватще фригидна... холодна, как рыба». В ответ старпер пришлепывает губами и кряхтит: «Э-эх... и хороша же в жаркую пору холодная рыба да под старым хреном!»

Последнюю фразу Геннадий Иванович произнес буквально на одном дыхании, выразительно посмотрел на меня, а потом захохотал, аж прикрыв от удовольствия глаза.

Я тоже не смогла удержаться от смеха: настолько все это было забавно. Тоже мне – любитель кулинарных анекдотов с партийным прошлым и настоящим.

– Про себя, что ли, рассказываешь? – вдруг прозвучал над нами холодный женский голос. Я обернулась.

Татьяна Юрьевна высилась надо мной, как древнеримская Фурия – богиня мщения. Впрочем, нельзя сказать, что на ее сухом вытянутом лице был написан гнев. Скорее какое-то брезгливое, холодное недоумение.

Геннадий Иванович съежился, как мальчишка, которого застали за поеданием варенья из секретных фондов бабушки. Будущий губернатор... да он будет править губернией, а им самим будет править вот эта треска маринованная, или какие там еще рыбные блюда существуют!

– Тебе не кажется, Геннадий Иванович, что нам уже пора? – спросила она. – Похоже, ты запамятовал, что завтра у тебя по графику несколько важных встреч в рамках предвыборной кампании?

– Н-нет, – окончательно стусевавшись, проговорил тот.

...А как хорохорился, когда сидел за столом, а жена с каменной маской великого египетского Сфинкса на лице сидела рядом! Слово и не замечал ее! А тут две фразы – и полный дефолт.

Неожиданно Татьяна Юрьевна повернулась ко мне.

– Евгения Максимовна, – произнесла она тоном, в котором от свежемороженой рыбы оказалось не так уж много, можно сказать, что проглянуло даже что-то человеческое. – Евгения Максимовна, я присматривалась к вам, и думаю, что вы очень достойная кандидатура. Дело в том, что у нас есть хорошее предложение для вас.

– Простите? – с трудом скрыв некоторое недоумение, отозвалась я.

– Мне не хотелось бы говорить сегодня: обстановка не соответствует. Да и Геннадий Иванович, откровенно говоря, не в норме.

Геннадий Иванович действительно был не в норме, потому что, когда он попытался подняться на ноги, его неумолимо занесло куда-то в сторону, и он вне, всякого сомнения, упал бы всем телом на стол, если бы его не подхватил рослый телохранитель.

«Что же они дают ему так нажираться в избирательную кампанию», – промелькнуло у меня в голове. Или кто-то нарочно его подпоил?

Я посмотрела в ту сторону, где еще недавно сидел Алексей Павлович, но серый человек с лицом и взглядом маститого партийного функционера уже ушел. Тихо и незаметно.

Как будто его и не было.

В этот момент из полумрака на меня вынырнул Самсон Головин. Он был сильно навеселе, рубашка расстегнута, галстук сбился набок, пиджак он и вовсе снял. Его гладко выбритый череп был разрисован губной помадой. В руках он держал винтовку.

Несмотря на то что винтовка была пневматической, Геннадий Иванович отшатнулся, как нервный черт от некондиционного ладана, пробормотал что-то нечленораздельное и, перегнувшись через руки телохранителя, ткнулся-таки лбом в поверхность стола, перевернув при этом прибор с обглоданными фрагментами скелета курицы.

– Я требую оформления шенгенской визы... – донеслось до меня. – А меня обокрали... собака с милицией приходила...

– Женька! – гаркнул Головин мне в самое ухо. – Пошли стрелять в тир! Я там поспорил на сто баксов, что ты легко обстреляешь одного хмыря! Он там выдает себя за бывшего члена олимпийской сборной России по стендовой стрельбе... и почему-то по бобслею!

Я поморщилась:

– Извини, Самсон, я сегодня не в форме. Хандрю, однако. Так что в следующий раз.

– Значит, завтра?

– Значит, завтра.

– Ты что, уезжаешь?

– Да, мне пора. Еще раз мои наилучшие пожелания.

– Распорядиться, чтобы тебя отвезли домой? – галантно осведомился Головин, которого, по всей видимости, мой безвременный отъезд с места торжества не очень огорчил.

– Да нет, я сама.

* * *

Так получилось, что из клуба я выходила вместе с Геннадием Ивановичем и его бесценной супругой. Хотя вместе – это громко сказано, потому что их попросту замкнули в кольцо несколько рослых детин, напрочь отрезав доступ к ним всех проявлений внешнего мира.

Надо сказать, делалось это довольно беспорочно, потому что, насколько я могла заметить, высоко-классный киллер без труда нашел бы брешь в их геометрических построениях. Проще говоря, достал бы Турунтаева.

Спускаясь по лестнице клуба, я зацепилась за одного из неподвижно стоявших на ступеньке охранников, деловито выставившего вперед нижнюю конечность, и, споткнувшись, едва не полетела вниз, на тронутую вечерним мартовским морозцем землю.

Возможно, тут сыграло свою роль то обстоятельство, что я особо не стеснялась в употреблении спиртных напитков, причем неразумно смешала вино, шампанское и даже немного водки. Хотя я обычно предпочитаю водку не употреблять.

Правда, уже у самого асфальта мне удалось ухватиться рукой за изящный фигурный держак фонаря, но это только замедлило и смягчило падение, но вовсе не избавило меня от самого факта.

– Черрт!

Охранники Турунтаева повели себя так, словно никакой Жени Охотниковой нет и не было и что она не упала с лестницы благодаря одному из коллег, который расставил свои ноги где не надо. Зато сам Геннадий Иванович, несмотря на то что был определенно пьян куда существенней меня, услышал мой вскрик и, пренебрегая всеми правилами безопасности, оттолкнул своего телохранителя и бросился меня поднимать.

Пострадавший от кандидата в губернаторы верзила потер ушибленный бок и последовал за своим не в меру прытким боссом.

От момента моего падения до того, как Турунтаев очутился возле меня, прошло не более трех секунд.

– Благодарю вас, Геннадий Иванович, – пробормотала я. – Можете считать, что ваш рейтинг повысился еще на одну тысячную процента.

– Правда? – с не оставившей его и в этот момент самодовольностью спросил он, и его руки – вероятно, от переизбытка чувств в связи с неслыханным повышением рейтинга – дрогнули и выпустили меня.

Этого я не ожидала и вписалась носом прямехонько в мостовую. Мое счастье, что натренированные за многие годы рефлексы развернули мое тело, сжав его в комок напрягшихся мускулов (хотя это и не по женской части), и удар пришелся на бок.

Впрочем, и это было достаточно больно.

Я проскрежетала проклятие – лучше бы этот деятель вообще меня не трогал! – и, слыша за спиной сконфуженное бормотание Турунтаева, подняла голову.

И наткнулась взглядом на черную дверцу машины.

Но не это привлекло мое внимание, несмотря на то что дверца принадлежала «Линкольну», на котором привезли кандидата в губернаторы.

Под днищем машины четко вырисовывались контуры какого-то предмета.

Предмет лежал прямо на земле, за левым задним колесом, и был расположен так удачно, что обнаружить его можно было, лишь наклонившись к самой земле и заглянув за колесо.

Так, как это невольно вышло у меня.

Я медленно поднялась с земли и, угрюмо взглянув на виновато потупившегося Геннадия Ивановича, которого немедленно заключили в кольцо охранники, открыла было рот – и тут увидела, что один из охранников, буквально перешагнув через меня, собирается открывать перед Геннадием Ивановичем дверь лимузина.

«Это ваша машина, господин Турунтаев?» – хотела за секунду до того спросить я, но в данный момент этот вопрос был неуместен и попросту нелеп... а промедление подобно смерти.

Я бросилась на Турунтаева, как пантера бросается на свою жертву, и с силой оттолкнула его от «Линкольна» так, что он кубарем полетел на землю и растянулся во весь рост.

В тот же самый момент телохранитель потянул дверцу на себя...

Ослепительный клинок пламени с глухим ревом подбросил роскошный «Линкольн», ломая дверцы и стойки салона. Амбал разинул рот в беззвучном вопле ужаса, и тотчас же его отбросило на несколько метров и с силой ударило о тот самый фонарь, с помощью которого я пыталась удержаться при падении.

Пронзительный женский визг прорезал тишину ночной улицы, до того колеблемой лишь приглушенными разговорами у входа да звуками музыки из полуоткрытых дверей клуба.

Прозрачную серую дымку тут же разорвало порывами ветра, и стал ясно виден горящий «Линкольн». Весь салон его был чудовищно разворочен, на переднем сиденье, присыпанная осколками тонированных стекол, виднелась фигура водителя с начисто снесенной верхней третью черепа.

Я тоже не устояла на ногах и упала прямо на Геннадия Ивановича, который, кажется, даже не успел испугаться. По всей видимости, он больно стукнулся при падении, потому что на его лице было ошарашенное слепое выражение, словно его ударили обухом по голове.

А может, это было и не от боли.

– Что... это? – только и сумел выговорить он.

– Вашу машину взорвали, – быстро ответила я, поднимаясь с него. – Вот что, товарищ кандидат в губернаторы.

– Но... как же так? – пролепетал он и обвел взглядом застывшие от неожиданности и шокового испуга людей вокруг него.

Двери клуба распахнулись, словно в них ударили бревном, и выбежал Самсон Головин. Он был все с той же пневматической винтовкой, но на его широком красном лице вместо недавнего полнокровного удовлетворения жизнью прорезался откровенный ужас.

За ним бежало еще несколько человек, среди которых я успела увидеть ссутуленную фигуру и бледное лицо Алексея Павловича. Человека, который так незаметно испарился в процессе нашего последнего разговора с Геннадием Ивановичем.

Турунтаев поднялся и отряхнулся. Потом взглянул на меня, на останки догорающего лимузина, на трупы шофера и телохранителя, снова перевел взор мутнеющих светлых глаз на меня и, широко шагнув, ухватил меня за рукав и произнес совершенно осмысленно:

– Вы спасли мне жизнь, Евгения Максимовна.

* * *

Я вернулась домой поздно ночью. Тетушка Мила, которая, вопреки моим ожиданиям, не спала, вышла в прихожую в одной ночной рубашке и, увидев мое пепельно-бледное лицо с кровавыми разводами на лбу и щеке (оцарапала об асфальт), остолбенела и лишь через минуту выдавила из себя:

– Женя... что... кто это?

Я мазнула глазами по зеркалу в прихожей коротким критическим взглядом и быстро ответила:

– Это я.

– Что – я? – не поняла тетушка.

– Ну прямо как в анекдоте, где наркоман приходит домой, звонит в дверь, а его такая же обдолбанная матушка спрашивает: «Кто это?» Он отвечает: «Мама, это я». – «Не-е-ет... мама – это я!»

Тетушка всплеснула руками:

– Господи боже мой, ну когда же ты выйдешь замуж? Чем ты там, у Головина, занималась, что все лицо исцарапано?

И я почувствовала несказанное облегчение, когда четко, чеканя каждое слово, рубанула теплый и сонный воздух ночной квартиры фразой:

– Изучала предвыборную программу кандидата в губернаторы Геннадия Ивановича Турунтаева.

Глава 3

Ответственное партийное поручение

Я ожидала этого звонка. По тому, как развивались события, этот звонок не мог не прозвучать. И он прозвучал – прозвучал, когда я, позавтракав, сидела перед зеркалом и при помощи разных косметических средств устраняла последствия вчерашних злоключений.

Я сняла трубку и произнесла:

– Да, слушаю.

– Евгения Максимовна, это говорит Геннадий Иванович.

– Хотите прислать счет за испорченное мною пальто?

Турунтаев замялся:

– Как, простите?

– Дело в том, что вчера, когда вы так неловко и не без моей помощи упали на землю, вы сильно испачкали пальто. По-моему, даже порвали.

– Ах, вот оно что, – выдохнул тот. – Вы ироничная женщина, Евгения Максимовна. Это хорошо. Еще раз благодарю вас за вчерашнее. Я не знаю, как и... – Он вздохнул, два раза кашлянул и продолжал: – Так вот... я хотел бы с вами встретиться. Обсудить один очень важный вопрос. Дело в том, что я давно слышал о вас много положительного от очень уважаемых мною людей. Так что хотелось бы знать, когда у вас будет свободное время. Хотя...

– Что – хотя?

В трубке возникло молчание, и я услышала отдаленный женский голос, который что-то негромко говорил Турунтаеву. Несмотря на то что голос был едва слышен – вероятно, Геннадий Иванович прикрывал ладонью трубку, хотя и не очень плотно, – я узнала эти металлические интонации, этот подчеркнuto сдержанный сухой выговор. Татьяна Юрьевна. Как же она могла не проконтролировать разговор своего мужа с посторонней женщиной, внешность которой она к тому же имела возможность оценить.

– Дело в том, что у меня очень плотный и насыщенный график, – снова заговорил Турунтаев. – Поэтому хотелось бы как-нибудь утрясти наши планы... привести их, так сказать, к общему знаменателю. Я по образованию математик, – неизвестно к чему сообщил он.

– Хорошо, – проговорила я. – Насколько я понимаю, вы хотите предложить мне работу.

– Вот именно! – воскликнул Геннадий Иванович.

Я подумала, что для серьезного политика (если, бесспорно, он собирается таким стать) наш возможный губернатор несколько импульсивен.

– Хорошо, я могу поговорить с вами на эту тему во второй половине дня. Приблизительно часа в три.

– В три? А в четыре... нельзя?

– В четыре? Ну, значит, в четыре.

– Я пришлю за вами машину, – объявил он. – Водитель отвезет вас на место встречи.

– Куда именно?

– Так... возле здания администрации области есть один закрытый клуб. М-м-м-м...

– Вы имеете в виду «Эверест»?

– Да-да. Я там периодически бываю и считаю его лучшим местом для деловых встреч. В самом деле... не тащить же вас в административный корпус моего завода или по офисам дочерних фирм... гм... простите.

– Все это замечательно, – отозвалась я. – Но прежде, Геннадий Иванович, я хотела бы задать вам один вопрос: кто именно рекомендовал меня вам? Насколько я понимаю, вы знали о

роде моих занятий еще до того прискорбного события, свидетелями которого мы вчера стали. И хорошо еще, что не жертвами.

Турунтаев негромко прокашлялся, а потом назвал несколько фамилий. Две или три из них были мне знакомы. Это были мои бывшие клиенты, у которых я работала личным телохранителем. Еще одного я знала хуже, потому как он никогда не был моим работодателем, но тем не менее его фамилия упоминалась в известных кругах – а именно, властных и силовых структурах – достаточно часто.

Кроме того, он назвал мне фамилию Самсона Головина, который, как оказалось, приходился ему седьмой водой на киселе... то есть двоюродным племянником.

В целом ответ был исчерпывающим.

– Договорились, Геннадий Иванович, – сухо проговорила я. – Значит, до четырех.

* * *

Приблизительно без четверти четыре, когда я уже была фактически собрана, раздался звонок. Незнакомый мужской голос проговорил, что он от Геннадия Ивановича и что машина ждет меня у подъезда.

Я положила трубку, удостоверилась, что на лице не осталось и следа вчерашних травм и что выгляжу я совсем неплохо, несмотря на причитания моей тетушки касательно того, что женщина, которой под тридцать, уже должна состояться в жизни как серьезная положительная особа, мать семейства и вообще... что по сути – по крайней мере для меня – малосовместимо с тем идеалом, который я брала за образец.

Только когда женщина свободна и не связана узами брака, она может жить в свое удовольствие. Ибо, как говорил один мой добрый знакомый, хорошее дело браком не назовут.

Я вышла на лестничную клетку и тут же наткнулась на живописнейшую мизансцену. У дверей своих квартир стояли дядя Петя и Олимпиада Кирилловна. Первый был чудовищно пьян, что следовало из фатально неустойчивого положения в пространстве и нечленораздельной брани, фонтаном брызгавшей из его рта, щедро сдобренной гневной слюной. Вторая же была столь же жутко разъярена, сколь дядя Петя пьян. Она корчила свирепые гримасы и размахивала сумкой, из которой что-то сочилося и капало на пол, перед носами соседа и седой толстой старухи со сморщенным коричневым личиком, сидевшей на инвалидной коляске перед дядей Петей.

– Чтобы ты, сиволапый пень, больше эту старую першню мне на глаза не показывал! – орала Олимпиада Кирилловна. – Я из-за нее все яйца перебила!

– Какие там... м-м-м... у тебя еще яйца?.. – прогрохотал дядя Петя и свалился под дверь. – Если бы у бабушки были яйца... она была бы дедушкой...

Олимпиада Кирилловна гневно плюнула и хлопнула дверью.

Я уж было хотела пройти мимо, но меня остановил голос старухи в инвалидной коляске:

– Дочка... будь добра, закатай меня обратно в квартиру... а то у меня руки онемели от всего этого... а ноги и того уж десять лет не ходят...

Я повернулась:

– Вы что, родственница дяди Пети? Я вас раньше не видела.

– Ну да, ну да, – закивала старуха. – А энтот нажрался, в доме не продохнешь, хоть святых выноси.

Почтенная матрона начала меня благодарить, а потом рассказывать, как сегодня на нее налетела Олимпиада Кирилловна и разбила сумку с яйцами.

Не дожидаясь завершения этой «олимпиады», я коротко попрощалась и вышла.

* * *

У дверей подъезда стояла черная «Волга». Когда я вышла, передняя дверь распахнулась, и я увидела молодого человека лет тридцати, который жестом приглашал меня садиться.

Шофер оказался на редкость разговорчивым человеком. Я впервые видела среди представителей этой профессии такого говоруна.

Хотя не исключено, что шофер – это его неосновная профессия, уж больно цепкий взгляд у этого виртуоза баранки.

– Я не понимаю, как вам вчера удалось то, что вы сделали, Женя. Я, например, смог бы повторить подобное только при одном условии: если бы сам подстроил взрыв. Ух, какой кипеж там подняли! И ФСБ, и шестой отдел, и еще бог весть кто!

Я молчала.

– Если Тарантас возьмет вас на работу, главное – не испортите отношения с его женой... это просто медуза Горгона.

– Кто возьмет?

– Тарантас. Так погоняют нашего шефа, Геннадия Ивановича. За глаза, разумеется.

– Тарантас, вы говорите? – произнесла я. – Да, если его недоброжелатели будут действовать методами по типу вчерашнего демонтажа машины, то очень скоро Геннадию Ивановичу придется ездить разве что на тарантасе.

– А в этот тарантас впрячь Павлова и Блюменталья, – хохотнул шофер.

Я ничего не ответила, потому что красноречие господина за рулем показалось мне утомительным. Очевидно, поняв это, он больше не тревожил меня разглагольствованиями по поводу и без оногo.

Клуб «Эверест» снаружи был довольно-таки непрезентабельным зданием. Вернее, он располагался на втором этаже не очень презентабельного – серого с желтым – здания. Так будет точнее. В отличие, скажем, от того же «Габриэля»: ничей посторонний взгляд никогда бы не заподозрил в нем место элитных тусовок политического, культурного и бизнес-бомонда.

Разумеется, очень узкого круга.

Шофер подкатил к подъезду, у которого уже ждал молодой человек в серой курточке-разлетайке. Если бы не тот же цепкий взгляд, что и у моего словоохотливого шофера, его можно было бы принять за студента старших курсов.

Хотя не исключено, что он им и являлся. Скажем так, по совместительству.

Он коротко кивнул мне и жестом велел следовать за собой. Мы поднялись на второй этаж по обыкновенной, ничем не примечательной лестнице – разве что идеально чистой и с зеркалами в пролете, – и прошли длинным коридором, застеленным приглушающей шаги ковровой дорожкой.

– Вам сюда, – сказал он, распахивая передо мной большую белую дверь. И исчез.

Интересно тут стало. Когда я была здесь в последний раз, этой атмосферы таинственности было явно поменьше. Быть может, ее нагнетают в связи с неумолимо приближающимися выборами губернатора.

Я вошла в просторную комнату, почти пустынную. Только в самом конце виднелась стойка бара, заставленного разнокалиберными бутылками. И два узких длинных стола возле нее.

Во главе этого стола сидели двое. Только двое. Они обедали. По обе стороны стола застыли еще двое парней в белых рубашках и черных жилетках. Судя по тому, что на боку одного и второго в кобурах болтались пистолеты, можно было предположить, что они исполняли роль не только официантов, но и телохранителей.

Обедавшими были Турунтаев и вчерашний солидный толстяк с седеющими кудрявыми волосами и большим длинным носом, чуть скошенным набок. Да, носы у обоих подгуляли. Только у Геннадия Ивановича был похож на непомерно вытянутый картофельный клубень, в чисто русских традициях, как у деревенских Ваньков.

...А вот нос толстяка – с загибом вниз на конце, сильно выдающий семитское происхождение этого человека.

Тот самый Блюменталь?

При моем появлении Турунтаев поднялся с места и, приветливо кивнув мне, подчеркнуто галантно проговорил:

– Присаживайтесь, Евгения Максимовна. Рад вас видеть. Что предпочитаете: кофе с коньяком, с лимоном, с молоком, может быть, по старинке – чай с вареньем?

– Нет, благодарю, – ответила я и села на единственный стул по левую руку от Геннадия Ивановича.

Толстяк продолжал есть, словно и не замечая моего присутствия: судя по всему, мое появление его даже раздосадовало, поскольку внесло нежелательные коррективы в процесс усвоения пищи.

– Позвольте вам представить руководителя моего избирательного штаба, основного координатора, так сказать, предвыборной кампании Иосифа Соломоновича Блюменталья, – проговорил Турунтаев.

Блюменталь поднял на меня острые темные глаза с сильно припухшими веками и еле заметно кивнул. Такое впечатление, что не Геннадий Иванович тут главный, а этот самый Блюменталь.

Хотя Турунтаев постарался быстро развеять это превратное впечатление.

Он горделиво выкатил грудь и продолжил свою избирательную речь:

– Я уже упоминал, что мне рекомендовали вас как прекрасного телохранителя. Конечно, первоначально я не очень в это поверил, поскольку, знаете ли, не женское дело... но потом переменял свое мнение. Убедили.

Он выжидательно уставился на меня, и я поняла, что он ждет от меня какой-либо реплики, подтверждающей, что я приняла его слова к сведению.

Я очаровательно улыбнулась в полном соответствии с голливудской методикой – единовременным обнажением всех тридцати двух зубов.

– То есть вчера, я так поняла, вы меня испытывали, не так ли, Геннадий Иванович?

– Не столько я, сколько...

– Геннадий Иванович, – оторвавшись от трапезы, укоризненно произнес Блюменталь и повернул тяжелую голову на толстой шее в сторону Турунтаева.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.